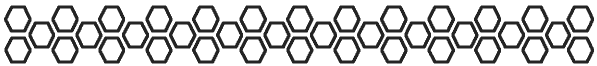

STUDIA PHILOLOGICA

SERIES MINOR

Е. Ю. ГЛАЗОВА

МЕТАМОРФОЗА СЛОВА

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Издательский Дом ЯСК
Москва 2019

УДК 821.161.1.0
ББК 83/3(2Рос=Рус)6
Г 52

Научный редактор:
А. В. Корчинский

Глазова Е. Ю.

Г 52 **Метаморфоза слова. Теоретическая мысль Осипа
Мандельштама.** — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. —
336 с. — (Studia philologica. Series minor.)

ISBN 978-5-907117-87-7

Важнейший ключ к поэзии О. Мандельштама — его теоретическая поэтика, система взглядов на природу поэтического слова и образа. Книга, которую читатель держит в руках, — значительный шаг к пониманию философии языка и творчества, которая выразилась в «Разговоре о Данте» и других литературно-эстетических сочинениях О. Мандельштама. В центре исследования — коммуникация поэта с его предшественниками и читателями и процессы смыслообразования в системе «автор — сообщение — адресат». Как показывает Е. Глазова, задача поэзии для Мандельштама — не транслировать сообщения, но пробуждать, формировать и разрабатывать образ как коммуникативный посыл и запрос, собирающий вокруг себя комментарии, разговоры, пересуды, множественные слои художественных традиций. Мандельштам выступает как поэт метаморфозы, т. е. динамичного преобразования разных пластов бытия: ландшафтного и портретного, визуального и музыкального, скорости, звука и цвета.

Книга раскрывает сложнейшую систему координат поэтического и теоретического мышления Мандельштама в их неразрывном единстве и обращена к филологам, культурологам и к широкому кругу ценителей поэзии.

ISBN 978-5-907117-87-7

УДК 821.161.1.0
ББК 83/3(2Рос=Рус)6

*В оформлении переплета использована картина
М. Чюрлениса «Похоронная симфония (VI)» (1903 г.)*

© Е. Ю. Глазова, 2019
© Издательский Дом ЯСК, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарственное слово.....	9
С. С. Аверинцев. Предисловие к английскому изданию	11
Введение	16
I. Значение и пустота	27
1. Бинарные оппозиции в ранних эссе Мандельштама (1913–1915)	28
2. Свидетельство теоретического кризиса	42
II. Природа слова	52
1. Слово — камень (1913–1919)	52
2. Слово как внутренняя и внешняя реальность (1921–1922)	58
3. Слово как пространство (1925)	61
4. Слово как путешествие (1930-е годы)	66
III. Слово в действии: гипнотическая сила поэзии	69
1. Гипнотизм и «сгущение» речи в поэзии	69
2. Двойное воздействие поэзии (1921–1924)	73
3. Катастрофическая сущность поэзии (1921–1932).....	84
4. Волны-сигналы значения (1930-е годы)	89
IV. Участие читателя	94
1. Диалогическая природа поэзии (1913 и последующие годы)	94
2. Исчезновение поэтического голоса	97
3. Чтение как метаморфоза.....	104

V. Путешествие по мирам Данте: метаморфозы, ряды и циклы поэтического пространства	115
1. «Скрещенный процесс» поэтической речи	115
2. Начало чтения: погружение в инфернальное пространство	126
2.1. Начало процесса — зарождение движения рядом с материальными фрагментами «мыслящей жизни»	127
2.2. Провал или разлом.	129
2.3. Смерть как результат проникновения	132
2.4. Чтение как чувство интертекстуальности	133
2.5. Обратимость времени	134
2.6. Построение органа передачи и восприятия	135
2.7. Язык как приказ	137
2.8. Призрак прошлого как адресат.	138
3. Рождение Чистилища: слово как инстинктивное бегство из Ада	139
3.1. Оплодотворение камня.	140
3.2. Выжимание.	141
3.3. Выжимание как проявление внутренней структуры .	142
3.4. Метаморфозы инстинктивных формаций.	143
3.5. Инстинктивное начало как адресат	146
4. Оживающая география Чистилища. Прочтение текста как раскрашивание деталей.	147
4.1. Знакомство с частями: ярко раскрашенные миниатюры.	148
4.2. Цвет как выражение / выжимание природных красок.	149
4.3. Цвет как скорость.	151
4.4. Окраска поэтического текста как воображение и его пределы	154
4.5. Читатель как адресат	156
5. От цвета к порыву: волновая структура текста.	157
5.1. «Светящийся, разбрызганный алфавит»	158
5.2. Образ плавания.	159
5.3. «Зыбучая, взволнованная» поверхность текста ...	163
5.4. Пределы языка.	165
5.5. Соисследователь как адресат	167

6. В предчувствии неба: музыка как проверка конечной фазы поэтического порыва	169
6.1. Движение от разума к вере	170
6.2. Музыка и химия	173
6.3. Дирижерская палочка	174
6.4. Адресат как безукоризненный мастер	176
7. Предварительные выводы.	180
VI. Теоретические открытия Мандельштама	186
1. Мандельштам и постструктурализм. Предварительные замечания о принадлежности Мандельштама к определенному течению теоретической мысли.	188
2. Poleмический фокус поэтики зрелого Мандельштама: гибридная природа поэзии и реинтерпретация аристотелевских концепций формы и материи	198
3. Скрещивание порыва и материи: в полемике с русскими формалистами	203
4. Оценка теоретической обоснованности мандельштамовского «порыва» в современной поэтике: Мукаржовский и Пастернак	215
5. Метаморфозы поэтической коммуникации.	220
6. Письмо и чтение, автор и адресат	223
7. Подготовка восприятия. Восприимчивость поэта и читателя и скрытые различия их ролей.	228
8. Интертекстуальность и предшествующая поэтическая традиция в контексте постструктуралистской поэтики	238
9. Поэзия как рефлексология речи	248
Список цитированной литературы.	251
Литература по теме исследования.	259

*Чистых линий пучки благодарные,
Направляемы тихим лучом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым челом, —
Только здесь, на земле, а не на небе,
Как в наполненный музыкой дом, —
Только их не спугнуть, не изранить бы —
Хорошо, если мы доживем...*

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ СЛОВО

Я искренне благодарна за то, что эта книга наконец пришла к русскому читателю. Благодарю прежде всего Юрия Троицкого и Анатолия Корчинского, без которых ее бы не было. Благодарю также Веру Столярову и Григория Бондаренко за их тщательную работу над книгой.

Подружкам моей юности — Елене Цодыкс, Ольге Кашниковой, Марине Никитиной, Ольге Шкаренковой, Татьяне Федоровой: спасибо вам, девочки, за то, что детство наше было не пустым, а добрым и умным. Так мне теперь кажется.

Благодарю моих американских коллег по университету Эмори: Михаила Эпштейна, Джульетту Апкарян, Николая Копосова, Веру и Олега Проскуриных, Марианну Тайманову. Это очень непросто — создать дружескую и одновременно интеллектуальную атмосферу на кафедре. Мы все по-настоящему преданы этой цели.

Благодарю Марию Хотимскую, которая, прочитав первый вариант этой книги по-английски, предложила перевести несколько глав. За те добрые слова и первый перевод я глубоко признательна. За работу Натальи Трауберг и Юрия Табака — глубочайшая благодарность.

Всем, кто помог с редактурой этой книги, — самая искренняя признательность.

В моей жизни есть несколько человек, без которых, я думаю, ничего бы никогда не состоялось. Кевин Корриган, мой любимый друг и собеседник, не дал мне отчаяться, когда я, уже как филолог, вплотную столкнулась с «Разговором о Данте» и с миром Данте Алигьери. Моя приемная мать Марина Глазова, соавтор нашей книги «Подсказано Дантом. О поэтике и поэзии Осипа Мандельштама», — величайший дар моей жизни. Улыбка Беатриче помогала Данте путешествовать по раю, подниматься от одной планеты к другой. Марине потребовалась гораздо больше, чем улыбка, чтобы воспитать и вести по жизни меня и моих братьев Гришу и Яшу.

И рядом со мной всегда отец, Юрий Яковлевич Глазов, так рано ушедший от нас. Он первым в 1968 г., когда я была еще совсем девочкой, ввел в нашу жизнь поэзию Осипа Мандельштама, которая стала неотъемлемой частью нашей жизни. Думая о папе, о его влиянии на меня и на мою семью всегда повторяю строчки Мандельштама: «Когда я спал без облика и склада, / Я дружкой был, как выстрелом, разбужен».

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Свойство книги, которое, пожалуй, первым бросается в глаза читателю, — это правильно найденная пропорция осмотрительности и отваги. Если тема скрывает в себе так много трудностей, опасностей, подвохов, как тема настоящего исследования, она требует от автора сознательной готовности на риск. Мандельштам — виртуоз точно продуманных диаметрально противоположных утверждений, делаемых в один и тот же период жизни, подчас в одном и том же тексте; в одной строке слово стоит словно бы перпендикулярно к другому, и это отнюдь не причуда, но самое существо его поэтической позиции. Его поэзия резко противоположна и классицизму, и авангардизму, находясь в чрезвычайной близости и к тому, и к другому. Мы ощущаем напряжение между логическими полюсами и в стихах, и в прозаических рассуждениях поэта. *Слепая ласточка на крыльях срезанных вот-вот в чертог теней вернется* — но всё-таки еще не вернулась; *яркая, нежная зелень на улицах нищего Петербурга* говорит о девственном лесе, *который покроеет место современных городов*, — но покамест есть еще место *горожанину и другу горожан*, и старый мир жив более, чем когда-либо; и всё уместается в единой точке дистанции между грамматическими формами будущего и настоящего. Тот, кто решил писать книгу об этом поэте, не понимая

рискованности этого предприятия, заранее обречен на сомнительный результат. И, напротив, то, что в оптику этой книги от начала до конца входит трезвая зрительность по отношению к этому риску, уже свидетельствует о ее качестве. Хорошо, что уже Введение формулирует задачу: «to uncover the structure and consistency of Mandel'shtam's apparently impenetrable and disconnected theoretical discourses»¹ (с. 11). Связность в бессвязности — это действительно сущность мандельштамовской мысли, и мы не увидим связности — подчас поразительной и всегда неожиданной, — если не перечувствуем содержательное отсутствие внешней связности.

Вторая гарантия высокого уровня — последовательность, с которой исключены все соблазны чересчур легких умозаключений от обстоятельств биографии поэта (включая догадки психологического и психоаналитического характера), а также от политической истории его отечества. Сложности этой задачи усугублены и тем обстоятельством, что Мандельштам, никоим образом не отвечая образу поэта *doctus*, каким он часто является, например, в трудах Ральфа Дутли, постоянно проявляет неожиданные провалы в познаниях — но также и столь же неожиданную глубину познаний (а также сверхострую догадливость, для которой подчас достаточно самого беглого перелистывания книги или вылавливание сведений из прокуренного воздуха умных разговоров); по большей части исследователь лишен права уверенно постулировать для него знание такого-то текста или, напротив, незнание другого. Мы лишены возможности, так сказать, из-за его плеча подглядывать за его чтением (процедура, по отношению к большинству русских символистов возможная). И если, в соответствии со знаменитым высказыванием Мандельштама, цитируемым

¹ «...Обнажить структуру и установить связность на первый взгляд несвязного мандельштамовского теоретического дискурса» (прим. ред.).

и в этой книге, для «разночинца» список прочитанных книг и есть его биография, то одной из форм искушения чересчур биографического подхода могла бы стать неуместно уверенная игра в интертекстуальную детерминацию каждого атома текста (тем более, что сам поэт неосторожно сказал в «Разговоре о Данте» про упоминательную клавиатуру, спровоцировав своих исследователей на методологические эксцессы, подчас прямо-таки грозящие перекрыть бронхи мандельштамоведения). Но и этот вариант неуместного биографизма чужд этой работе. Автор, обнаруживая во Введении достаточную осведомленность и о биографическом, и об историческом контексте, с необычной для нашего времени естественностью выдерживает подход, при котором общие концепты, *universalia*, как говорили в любезные Мандельштаму Средние века, не подменяются ничем посторонним. Речь идет действительно о «structure and consistency of Mandel'shtam's theoretical discourse», а не о чем-либо ином. Вполне обоснован сформулированный в том же Введении отказ от еще одной возможности короткого замыкания на биографии поэта, на сей раз биографии творческой: от рассмотрения теоретических дискурсов Мандельштама как комментария к его стихам. Совершенно очевидно, что у него не было ни такого намерения, ни ненамеренного эгоцентрического помрачения ума, когда литератор вместо того, чтобы думать о возможностях поэзии, снова и снова думает только о своих собственных возможностях. Мандельштам был слишком впечатлителен по отношению к чужому творчеству, чтобы не выходить далеко за пределы такого замкнутого круга. Пример, имеющий в себе по обстоятельствам свою, если угодно забавную, даже гротескную, сторону, не переставая от этого по существу очень хорошо рекомендовать Мандельштама как субъекта мышления о литературе, мы находим в статье 1923 г. «Vulgata. Заметки о поэзии». Рассуждая в этой статье о Пастернаке как великом «секуляризаторе» русского поэтического слова, переориентировавшем поэзию с «ли-

тургической» речи интеллигенции на «домашнее корне-слолье» и драстическую энергию консонантов, оказывается настолько захвачен темой своей мысли, что для обострения контраста довольно агрессивно отзывается о практике «малого словаря», который «есть признак того, что говорящий не доверяет родной почве и не всюду может поставить свою ногу»; в качестве примеров упоминаются Сологуб, Ахматова (почувствовавшая себя задетой), Кузмин. Все это поражает постольку, поскольку являет собой диаметрально противоположность дискурсу *pro domo tua*: Мандельштам не мог не знать, что сам он в качестве практикующего поэта представляет собой аналог никак не Пастернаку, а скорее тому же Сологубу (которого так прославит в 1924 г.); что мандельштамовский словарь — за вычетом исключений, подтверждающих и оттеняющих правило, — есть, конечно, типичный пример «малого словаря», в котором отсутствие определенных компонентов чуть ли не важнее присутствия других, а выше всего ценится умение сказать неслыханное самыми обычными языковыми средствами (как в латыни Цезаря или во французском языке Расина). Но для того, чтобы с такой точностью сказать самое главное о раннем Пастернаке, надо было радикально отвлечься от собственных проблем, «забыть ненужное я», как сказано в одном мандельштамовском стихотворении². Это пример яркий и особенно очевидный, но далеко, далеко не единственный.

Итак, ограничения, которым подвергнута тематика книги, безусловно оправданы, и проведены они строго и последовательно. Тем интереснее, что с их соблюдением

² Я не обсуждаю мемуарного рассказа Вильям-Вильмонта, согласно которому весь этот пассаж — как бы эхо слов самого Пастернака, сказанных еще в 1915 г. в разговоре с Гумилёвым и Мандельштамом; нет надобности подозревать мемуариста, пересказывающего пересказ этих слов, чтобы усомниться в точности свидетельства столь позднего. Притом существо дела не изменилось бы, если бы некоторые фразы мандельштамовской статьи оказались криптоцитатами.

автору остается так много сказать и что напряжение анализа не только не спадает, но явственно нарастает от начала к концу книги. По ходу этого движения отметим анализ высказываний «Разговора о Данте», представляющих, может быть, наиболее благоприятный для предлагаемого подхода материал. А в последних разделах происходит динамический выход к более широким перспективам. Рассмотрение теоретических импликаций Мандельштама, завершающее книгу, едва ли не в наибольшей степени оправдывает целое.

Сергей Аверинцев